

Александр Чаянов.

**Венецианское зеркало,
или**

Диковинные похождения стеклянного человека

**романтическая повесть написанная ботаником X
и на этот раз никем не иллюстрированная**

Берлин, книгоиздательство "Геликон", 1923

Этот файл с сайта партии "Яблоко"

<http://www.yabloko.ru/Themes/History/Chajanov/chajanov-venec.html>

Редирект: В. Есаулов, июль 2004 г.

ГЛАВА ПЕРВАЯ,

**из которой читатель узнает общее положение дел и
знакомится с героями нашей повести.**

Алексею никогда не удавалось впоследствии передать своим друзьям в обычных представлениях и образах нашего мира свои стеклянные впечатления. Даже больше того – потрясенная память не удержала почти никаких воспоминаний из дней непосредственно предшествовавших началу его тяжелого зеркального бытия.

Последнее, что сохранилось в его памяти отчетливо и даже преувеличенно ярко, был тот роковой день, когда он нашел искомое в подвалах венецианского антиквара.

Он помнил в малейших деталях, как сениор Бамбачи, уже истощивший весь запас хвалебных терминов пяти европейских языков, вяло перебирал перлы своих коллекций.

Венецианское солнце, как всегда горячее, насыщенное запахом меда и моря, ложилось бликами на бедрах амуров Барокко, играло на стеклянных подвесках флорентийских консоли и посылало на потолок антикварного магазина отблески волн канала Gracio.

Однако все сокровища торгового предприятия сениора Бамбачи, как равно и предложения других антикваров Европы оставляли Алексея холодным.

Полгода, уже затраченные на внешнее убранство его новой жизни, не привели еще к разрешению поставленной задачи.

В восьми комнатах его нового яузского особняка предметы художественного творчества пяти веков, схваченные острой гаммой экспрессионизма, несмотря на все усилия, не связывались между собою последним заключительным синтезом.

Была нужна деталь, которая своею острой и пряной силою превосходила бы многократно все остальные слагающие, как капля эстобаны превосходит все элементы сложного напитка, служащего для ее воплощения.

Попытка использовать для этой цели деревянного негритянского идола с бенадирского берега оказалась столь же бесплодной, как и первоначальный замысел построить всю композиции обстановки на маленькой Венере старшего Пальмы.

Алексей заметно терял хладнокровие и ему казалось, что неудача с устройством яузского дома обрекает на неудачу и устройство жизни с его обитательницей, чьи рыжие пряди полос обещали дать последний синтез его мятежной, сложной и в общем тяжелой жизни. С нескрываемой досадой Алексей отодвинул рукой какой-то пестрый свадебный ящик старой тосканской работы, предложенный ему выбившимся из сил и недоумевающим антикваром, и решил использовать последнее средство, которое не раз спасало его от намечавшейся